

Западный ритм

Вади́м Ма́лышев,
профессор МГУ

В средствах информации и разговорах (в основном в среде интеллигенции) нас уверяют в том, что на Западе все лучше, чем в России. Даже говорят «какие мы несчастные, что в такой стране родились». Народ слушает это, а собственное мнение может составить только по кратковременным впечатлениям от поездок или от телевидения.

Чтобы иметь свое мнение, надо там основательно пожить. Те, у кого эта возможность была, делятся на тех, кто там остался добровольно, и тех, кто не принял западной жизни. Это понятно - психика разная. В чем различие? Вот, например, высказывания великих русских XIX века.

М. Салтыков-Щедрин: «С представлением о Франции и Париже ... в этих двух словах заключалось нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу душу и в известном смысле даже определяло его содержание ... девяносто девять процентов из нас никогда не бывали ни во Франции, ни в Париже. Следовательно, нас не могли восхищать ни бульвары, ни кокетки (тогда их называли лоретками), ни публичные балы, ни съестное раздолье. Все это пришло уже потом ... когда люди потускнели и когда всякий интерес, кроме чревного, был объявлен угрожающим».

М. Глинка: «Все здесь наружный блеск, в сущности эгоизм, интерес и отсутствие всякого чувства - так что поневоле сгрустнется и не раз вспомню о России, о радушии, гостеприимстве и приязни, часто весьма искренней».

Н. Бердяев: «У французов меня поражала их замкнутость, закупоренность в своем типе культуры. ... Западная душа гораздо более рациональна, упорядочена, организована разумом цивилизации, чем русская душа ... Поэтому русская душевная жизнь более выражена, и выражена в ее крайних проявлениях, чем душевная жизнь западного человека, более закрытая и придавленная нормами цивилизации».

В XXI веке к этому надо кое-что добавить.

ЗАПАД КАК МЕХАНИЗМ

Запад возникает как хорошо отлаженный механизм. Не только отлаженное общество. Жизнь человека на Западе состоит из сменяющихся дел. Причем не только дел в том смысле, как мы их понимаем. Пообедать вместе с кем-то, поиграть в теннис от 14 до 15, пойти в театр от 19 до 22, даже

пригласить в гости надо за неделю-две вперед и записать как дело в записную книжку. Все это дела.

Даже сам визит распisan по частям: обязательный аперитив, затем перейти за стол и т.д. Темы и последовательность разговоров повторяются. Начинаешь понимать эту цикличность уже после второго визита, и не хочется в гости идти. Пропустить завтрак, обед или ужин на Западе - событие. И только по предписанию врача.

И все эти дела, вся такая жизнь течет параллельно с уверенностью в абсолютной необходимости всего происходящего, более того, с любовью. Иначе было бы совсем тошно. Русских не любят за то, что нет у них этого ритма. Один мой знакомый говорил: «Вы недоцивилизованные». А я радовался, что не был доцивилизован. Запад любит алгоритмы, Россия их терпит. С большей организацией в России терпеть надо будет больше. Не надо «стерпится - слюбится».

Даже бомжи у них другие. Один бомж, очень грязный и пахнущий, интеллигентно стоял несколько лет в разных местах на моей улице, подбирая еду в урнах, редко передвигаясь. Я никогда не видел его пьяным. Нашим бомжам не нравится ходить как автоматам в одном месте, им надо уйти от такой земной жизни, напившись до потери земного сознания.

А ведь пьют и во Франции немало, о чем говорит официальная статистика: более миллиона французских официально зарегистрированы как имеющие проблемы с алкоголизмом. Но для француза выпивка - отмеренное обязательное удовольствие.

Конечно, при такой заорганизованности нужно и расслабление. И оно дается страшилками, насилием в примитивнейших фильмах. Расслабление тоже в земных формах. После этого воспринимаешь свой размеренный ритм как счастье. И думаешь, что именно ритм обеспечивает отсутствие всех этих ужасов. А есть еще и секс, тоже земное расслабление, который принял такие размеры, что во Франции заговорили несколько лет назад о необходимости ограничений. В основном внешних, как то: спрятать кассеты с сексфильмами за ширмочку, или иногда попугать проституток и их клиентов. Но с педофилией приходится серьезно бороться.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЛЯ РОССИИ

Но, может, так и надо жить? Может быть, при объединении с Европой надо просто перенять их

психику? Или, может, все-таки в этой дилемме Запад-Россия есть более глубокий смысл? Может, Россия всегда являлась барьером слишком организованной психике, а глубокий смысл перестройки состоял в том, чтобы удалить из России излишек слишком «деловых» людей?

Безусловно, России нужна много большая организация. Начатые дела, например, надо заканчивать. Недострой был на грани абсолютного маразма. Такого не увидишь на Западе. Другой вопрос: как это делать.

Организация общества может идти либо от организации психики каждого, либо руководитель (страны, завода, института, группы) должен организовывать людей путем примера и власти.

Зацикливание самой психики чревато пагубным влиянием на саму психику. Многие СМИ пытались и пытаются направить Россию по первому варианту. Помню, один из постоянных обозревателей радио «Свобода» с нескрываемой ненавистью высмеивал какого-то деревенщину за плохие стихи, говоря: «Те, у кого нет таланта, должны копать картошку». Или говорили: «Каждый народ достоин своего правительства». Сейчас так уже не говорят. Что, народ изменился?

Что, например, скрывается за призывом жить «по законам, а не по понятиям», то есть не по совести? Не к томам ли законов на Западе, к стремлению прописать в них каждый шаг? Тома-то эти никто не читает, кроме нового класса - армии адвокатов. Которые и будут определять, что морально, а что нет. А сама мораль имеет тенденцию к исчезновению. На Западе есть философы и ученые, которые прямо пишут: морально то, что выгодно для выживания. Не уточняя, правда, - чьего выживания.

А ставки адвокатов, между прочим, несоизмеримо превышают зарплату кассирш в западных супермаркетах. При этом разница в работе невелика - одни составляют стандартные бумаги, другие прикладывают штрих-коды к машинке. Вежливые же фразы каждый говорит клиенту одни и те же. Поэтому насилие над психикой одних ведет только к созданию привилегированного класса других, которые смеются над правилами.

Да и привел ли первый вариант к успеху Запада? Видимость создается, что привел. Но, во-первых, за счет насилия над естественной психикой. А во-вторых, является ли западное общество самодостаточным, не живет ли оно за чужой счет?

Ведь улицы на Западе чистят выходцы из других стран. Да и цены на нефть и газ устанавливались не теми, кому они принадлежат. Когда в Африку приезжали белые и меняли водку и бусы на алмазы, а то и на рабов, это делалось как обманом, так и силой. Сейчас есть сдвиги - вместо бус золотые часы на турецких рынках за сто-

имость квартиры в Москве, и джипы, пригнанные из Европы в качестве игрушек для бизнесменов и их семей. А вместо рабов - огромные суммы, которые перетекли на Запад, превышающие национальный доход. И все это за сырье. Ситуация меняется, конечно. Я не защищаю наш Автопром, сам от него страдаю и считаю, что без смены руководства некачественная продукция не прекратится.

Но, тем не менее, надо иметь в виду, что экономика организуется политической силой, а на бирже просто дают желающему народу поиграть, и на рынках поторговать. Надо, впрочем, отдать должное - это для сглаживания экономики полезно.

Говорят, «сырье - это примитивный товар, а технологии - интеллектуальный. Запад не виноват, что у него нет сырья». В продолжение этой логики органы тела начинают продавать как примитивный то-

вар. Большие деньги за «примитивные» сердца конструируют.

Да и что имеет обычный человек от технологий? Жизнь продолжается старыми ценностями, пока индустрия конвейеров создает те же конвейеры. Говоря научным языком, автомат создает такие же автоматы.

Мир узких профессионалов пока одерживает верх. И может кидаться словом «сырье» как обидным словом. Но не являются ли технологии и все связанное с ними таким же сырьем, обеспечивающим некоторые стороны жизни, но не имеющим ничего общего с основными жизненными ценностями? Свое «сырье» каждому надо ценить.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Организация требует дисциплины и чтобы каждый знал свою полочку. Идеал организации - узкий специалист, профессионал. Считается, что если каждый преследует свою личную материальную выгоду и живет в рамках закона, то остальное сложится само собой. Это - основной постулат западного общества. Любые другие глобальные взгляды существуют лишь умозрительно, не влияя на реальную жизнь.

Все работает само по себе. Миллионы прекрасных и слабых узких специалистов притерлись друг к другу, как машины в плотном потоке. И все куда-то движется. Такое впечатление, что каждый знает куда едет. Знает, где сойти с потока, то есть когда на пенсию уйти. Ну а сам поток времени куда течет?

Считается это настолько ясным, что не возникает вопроса, куда все идет. А если возникает, то ответ там один: «к достижению знаний. Существует система знаний, и надо лишь добавлять к ней крупички и алмазы, кто что может». Наука стала индустрией. Практически каждый мог бы в ней работать.

НАТАСКИВАНИЕ

Стремление к искусственному явно преобладает. Попробуйте сварить рисовую кашу с яблоками в Париже и в Москве. Разница будет в запахе и виде сваренных яблок. В Париже отменно внешне выглядящие яблоки во время варки будут пахнуть тем, чем их удобряли.

Обучение и у нас становится все более искусственным. Есть страсть к знаниям, искусству, и есть натаскивание на них «репетиторами». Многие профессионалы натасканы на специальность. И не могут ничего другого. В России не так было. Н. В. Гоголь так описывает возникновение казачества на южных границах России: «... когда бранным пламенем объялся древле-мирный славянский дух, и завелось козачество - широкая разгульная

замашка русской природы ... Кончился поход, - воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть порошу, справиться кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропало, пить и бражничать, как только может один русский, - все это было ему по плечу».

Двадцатый век привел искусство к торжеству «искусственного». Нельзя просто поставить «Евгения Онегина», надо всячески над ним изощряться. Поп-культура в музыке - крики специально поставленным голосом. Дергание под компьютерную «музыку». Впрочем, может, это ничем не хуже, чем в консерватории слушать игру ума некоторых современных композиторов.

Шаляпин или Рихтер не кончали консерваторий и были на голову выше других. Для них искусство стало естественным, они сами прошли весь путь на собственных ошибках. «Умные» советуют учиться на ошибках других, иначе говоря, чтобы «умные люди» тебя натаскали. Многие же знают на своем опыте, что только на СВОИХ ошибках по-настоящему учишься. Поэтому и есть такое понятие, как жизненный опыт.

У нас есть чутье на естественное и искусственное - надо чаще верить своим ощущениям.

БУДУЩЕЕ ЗАГАДОЧНО

Запад преподносится как новый вариант «светлого будущего» для нас. Но является ли безграничное развитие технологий основной целью будущего? Давайте все-таки ждать от него более приятных сюрпризов.

Какое будущее, например, у профессионализма? Конечно, концентрироваться можно только на одном. Когда пишут статью и одновременно слушают музыку, получается макулатура. Жизнь в определенный отрезок времени в одной основной концентрации назовем цепочкой. Концентрация может быть временной - как за рулем или у плиты. Или на всю жизнь, как в специальности, которую выбрал. Жить в одной концентрации сначала трудно, «тяжело в учении», а потом приятно, когда тебя не дергают туда-сюда. Занимаешься тем, что хорошо знаешь. Некоторые переходы из цепочки в цепочку естественны, как отдых после усталости. Другие требуют качественных психологических усилий. Это всеобщий удел сейчас. Но можно ли обойти такую участь профессионала? Исключения были - Леонардо да Винчи, Сведенборг, Бородин и другие. Может, это и есть будущее?

Как будет меняться ощущение другого человека? Тем, кто непроизвольно вживается в людей, Запад просто противопоказан. Там этого не любят и не понимают. Есть такие слова, как *Sorgu* или *Desole*, которыми начинаются и немедленно кончаются многие попытки глубокого общения с западным человеком. И человек идет по своим делам. Это, наверное, самое главное, что многие русские замечают на Западе. Тебя не видят, не то что не чувствуют. Видят твой возраст, рост, черты лица, даже сексуальную привлекательность, если она есть. Как человек ты никого не интересуешь, считается что в этом все одинаковы, то есть одинаково неинтересны. Интересуют лишь твои «деловые» качества.

Вот что говорит Максимилиан Волошин: «Француз поражает в русских больше всего наше духовное бесстыдство. Ни один француз, разумеется, не определит этим словом то волнующее и притягательное впечатление, которое производят на него русские, между тем это именно так. То, что русский начинает говорить с первым незнакомцем о самом главном и самом интимном; то, что он с такой ненасытной пытливостью расспрашивает и рассказывает о тайных движениях души, - француз кажется в одно и то же время и варварским, и диким, и притягательно бесстыдным, как нагота на публичном балу... Мы стыдимся своих жестов и поступков; боимся, чтобы они не показались окружающим неожиданными и необъяснимыми, и поэтому стремимся как можно скорее посвятить зрителей в их внутренний смысл.

Между тем французы, будучи мало стыдливими во всем, что касается действия, поступков и всяких форм жизни, обладают непреодолимой стыдливостью при разоблачении тайн душевных побуждений, чувств и сложных переживаний. Французы не стыдятся обнажать свое тело, но в них заложен непреодолимый стыд обнажения духа, который мы никогда до конца даже и понять не сможем. В жизни эта стыдливость духа ведет к созданию масок...

Если, проходя по парижским улицам, долго следить за потоком глаз, лиц и фигур, то скоро заметишь замечательную ритмичную повторяемость лица. Лицо, лишенное маски, в Париже дает стыдное ощущение наготы, и по этой наготе парижане узнают иностранцев, провинциалов и особенно русских. Здесь живут люди, закованные в маски с головы до ног; парижанин надевает лицо так же, как платье, шляпу, как галстук или перчатки. И маска эта надета не только на лице: она в жесте, в голосе, в известном обороте речи, в интонации, в повторяемой фразе, в мотиве модной песенки, в изгибе талии - во всем, что может скрыть личность... Маска города является естественным следствием стыдливости

и самосохранения. Маска так плотно прирастает к людям, что они забывают о своем лице».

И наконец, само восприятие будущего. Будущее может восприниматься как точный расчет, как в шахматах ходы перебирают. Как деньги считают. Или расчетливо замуж выходят. Русским же более естественно воспринимать будущее ощущением. Когда решение, как поступить в данных обстоятельствах, принимается нерационально, и лишь потом оказывается, что правильно.

Вообще у разных людей разные шкалы времени играют разную роль. Так, в среднем русские медленнее начинают развиваться, чем западные люди, и максимум их творческого развития достигается позднее. Отношение к шкалам времени легко видеть по музыкальным способностям. Одни, имея абсолютный слух, никогда не становятся музыкантами. Другие же, с весьма посредственным слухом, прекрасно чувствуют музыкальное произведение в целом. Так же некоторые дети начинают говорить, плохо произнося конкретные звуки, но имея точную ритмику слов и фраз.

Это не научные вопросы, но они не менее важны, чем технологии, которыми Запад захлестывает и завораживает мир, отвлекая от более важных целей.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Алгоритмизация нужна, России надо стать более организованной. Без этого не будет технологий, страну завоюют, и психику русскую изнасилуют. Но организованность не должна убивать естественное в человеке. Не надо терять то, что в России есть сейчас. Для этого нужно только одно - не нужно видеть в организации самоцель, не нужно любить ее. Как нельзя любить конвейер, инструкции, искусственную жизнь. Но терпеть их надо, страдая.

Может быть, создать необходимую алгоритмизацию в России, научиться ее терпеть, но не более того, и есть русская национальная идея на ближайшее время?

Для этого организованное начало в России должны нести не масса довольных троллей, а организаторы. Организаторы по судьбе, а не за огромные зарплаты, несущие свое бремя.

Поэтому, главный в России вопрос - вопрос власти, кто будет организатором. У нас не должно быть серых кардиналов, фактическая и формальная власти должны совпадать. Значит, власть должна быть едина. Единство - в любви к России. Но не только - вверху должны быть честные и умные люди. А то нечестного подкупают, а дураком будут манипулировать. Хочется надеяться, что к этому единству все идет.